

Кара-Мурза С.Г.

**Символическое
наследие СССР
и зачем оно нам**

МОСКВА 2016

Библиотека аналитика

Сергей Кара-Мурза

**Символическое наследие
СССР и зачем оно нам**

«Когито-Центр»

2016

УДК 32.019.5
ББК 60

Кара-Мурза С. Г.

Символическое наследие СССР и зачем оно нам / С. Г. Кара-Мурза — «Когито-Центр», 2016 — (Библиотека аналитика)

ISBN 978-5-89353-489-4

Реформа в РФ вызвала дезинтеграцию общества, системный кризис, распад шкал интересов и ценностей, деградацию культуры. Чтобы выйти из этого состояния, надо восстановить коммуникации между общностями и с государством. Но большинство населения, сохраняющее ценности справедливости, «ушло в катакомбы» – его отсылки к нормам и памяти СССР сейчас неприемлемы. Эта общность исключена из диалога – и вся политическая система с ее институтами усечена и неравновесна. Надо класть фундамент новой системы – исходя из реальности. Общности большинства, сохраняя свои ценности, должны начать диалог не из аксиом прошлого, а из альтернатив в границах возможности. Тогда возникнет оппозиция как конструктивная сила. Русская революция и создание СССР были взрывом духовной силы. Ее символический образ стал преданием со сменой поколений. Этот образ – наше наследие, и оно необходимо, но не как руководство борьбы и строительства в иной, более сложной реальности.

УДК 32.019.5

ББК 60

ISBN 978-5-89353-489-4

© Кара-Мурза С. Г., 2016
© Когито-Центр, 2016

Содержание

1	8
2	12
3	16
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Кара-Мурза

Символическое наследие СССР и зачем оно нам

Заслужите приобретенное от предков, чтобы истинно владеть им
И. В. Гёте

© Кара-Мурза С. Г.

* * *

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – советский и российский учёный, по образованию химик, профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, философ, политолог и публицист, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Состояние России требует срочно разгрести хаос мифов и фантастических идеологем, нагроможденных длительным системным кризисом. Без того, чтобы хоть немного упорядочить представления о реальности и ее предыстории, невозможно никуда двинуться. Нужны пусть грубые, но связные объяснительные модели нашего положения. Их появление потянет за собой очередную попытку начать диалог с общностями и с властью. А дальше – шанс на появление *оппозиции*, без которой в нашем состоянии будем продолжать топтаться. Группа из «бригады Ельцина» и ее интеллектуальные сподвижники, недовольные нынешней властью, не является оппозицией, не стоит об этом говорить.

В этом очерке мы говорим об *оппозиции в состоянии ее зарождения* – не о той, которая ходит на демонстрации, кладет цветы на могилу Сталина и обличает коррупционеров на митингах и в Госдуме. Эта деятельность нужна, она людей поддерживает. Но она не соединилась с тем, что Энгельс назвал первым типом политической борьбы – *теоретическую борьбу* (т. е. изучение и представление реальности, поиск альтернативных действий). Без этого не помогли бы ни забастовки, ни «булыжник оружие пролетариата». Маркс и Энгельс создали *учение*, которое на сто лет снабдило самосознанием буржуазное общество и превратило массу наемных рабочих в пролетариат, в «класс для себя». И этот класс в союзе с левой интеллигенцией и частью буржуазии стал политической силой, которая «сбалансировала» капитализм.

России это не подошло – в Запад к себе ее не принимал, пришлось выработать *другую теорию*, для крестьянских стран. Россия «обошла» капитализм и устроилась в СССР, многие другие страны шли «по касательной» на периферии капитализма. Сейчас в России нет ни СССР, нет и западного капитализма. Что за строй и куда он катится, трудно понять. Положение критическое, необходимо представление о реальности и о вариантах движения – и направления и «транспортных средств». Для этого и нужна оппозиция, способная вести *теоретическую борьбу*.

Многие мыслители об этом говорили. П. Бурдьё так сказал: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов».

Таким образом, политическое действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей – и элиты, и массы. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Как подчеркивал П. Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт – это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Недовольство без изменения в видении мира может лишь *бунт толпы*, ярость которой хозяева дискурса могут направить в любые стороны.

В другом месте Бурдьё уточнил: «Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира».¹

Это как будто прямо сказано для той части нашего населения, которая в 1980-е годы стремилась «сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира». Этот социальный мир – СССР. Но чтобы вести политиче-

¹ Основной источник суждений Бурдьё см.: Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

скую борьбы «за возможность сохранить» советский строй, надо было гораздо лучше познать наш социальный мир.

Здесь рассмотрим один из факторов, затрудняющих возникновение дееспособной оппозиции уже в нынешнем, постсоветском кризисном обществе. В данный момент, как ни покажется странным, это препятствие – выведение оснований для обращения к гражданам из *успехов советского проекта*.² Сейчас мы проходим период дезинтеграции общества и распад общей мировоззренческой матрицы, и обращаться к широкой аудитории с примерами из советской жизни, которую мы утратили, только усилит раздор.

Этот фактор кажется второстепенным, но он тесно связан со всей системой причин этого кризиса и уже очевиден.

Этот очерк посвящен узкой теме, во многом методологической. Эмпирическое представление о реальности у большинства сходно, об интерпретации и оценке этой реальности говорить не будем (мою трактовку краха СССР и его следствий см.³). Тем более в этом очерке нет претензий на теоретические спекуляции – в предмете, который мы обсуждаем, переплетены *рациональное мышление* и системы *психики*. А в политических процессах, которые мы хотим понять, очень часто психика политиков и массы подавляет разум.

Поскольку речь идет о явлениях *психики*, и эту иррациональную силу нет возможности отстранить разумом и повернуть логикой, наши задачи наталкиваются на методологические препятствия. Казалось бы, симптомы и побуждения всплесков подсознания людей в переломные периоды должны были быть подробно изложены в учебниках, но этого не было.

Немногие современные авторы оставили разрозненные тексты, и не в «инженерном» сухом и ясном стиле, а в форме эмоциональных и даже мистических эссе. Каноны Просвещения не позволяли этим темам вторгаться в науку, хотя сфера иррационального у всех перед глазами и нередко его облако покрывает сразу миллионы людей и превращает в пепелища целые державы. На наших глазах рухнул с огромными жертвами СССР, и взрослые могут осторожно рассказать об этом детям и внукам. Это необходимое предупреждение, независимо от отношения к этой катастрофе. В памяти должен быть сигнал о *катастрофе*, о нем будут думать.

² Имеется в виду успешная реализация советского проекта до начала фундаментального (еще скрытого) кризиса СССР в 1960–1980-е годы.

³ Кара-Мурза С. Крах СССР. История и версия объяснения. М.: Алгоритм, 2013.

1

Приступая к нашей теме полезно дать краткую периодизацию изменения картины этой катастрофы в той группе товарищей, к которой принадлежит автор. Группа эта состояла из гуманитариев, «естественников», инженеров. Сейчас эта группа очень поредела, но их идеи и тексты как будто живут и развиваются, наполняются новыми смыслами. Все товарищи нащупывали трещины в стене незнания, чтобы пробиться или хотя бы увидеть кусочек пространства за этой стеной.

Все мы, выйдя из уютного терема советского образования и прессы, оказались наивными и невежественными перед зрелищем обрушения СССР – и стабильные приверженцы советского строя, и сомневающиеся, и недавние диссиденты. Можно вспомнить В. В. Кожина, которого считали «шестидесятником»,⁴ в конце перестройки стал с самопожертвованием и замечательным умением изучать историю русской революции и СССР.

На мой взгляд, этот период (примерно 1985–1995 гг.) был заполнен непрерывными обсуждениями с товарищами, поиском и чтением литературы, отечественной и зарубежной. Новые данные и суждения сразу публиковались в полемике с идеологами перестройки и реформы, а также в «просветительской» публицистике для всей публики. Тиражи были малые, но эти тексты как-то доходили до людей, даже странно. Содержание их было простое, лобовое: факты, разоблачающие антисоветскую ложь, данные об экономике и социальной системе СССР, угрозы, которые генерирует реформа, полезные сведения из истории России и Запада. Для сложных тем мы еще не были готовы, но поток простых фактов и доводов хоть немного охлаждал рыночные иллюзии и утопии. После 1992 г. все эти тексты без всякого красноречия увязывались с социальной реальностью. Шлифовать стиль времени не было, новая молодежь попрекнет, ничего не поделаешь.

Следующие 5 лет, не прекращая производства этих сермяжных текстов, обсуждения сдвинулись к более сложным проблемам, которых мы не касались в советское время ни в вузах, ни в прессе, ни на интеллигентских кухнях. Я сужу по нашему кружку, но, похоже это происходило и у других подобных групп.

Так, была поставлена проблема изменения массового сознания («манипуляции сознанием»). Это явление было констатировано социологами, был собран богатый материал в иностранной литературе – там эта технология отрабатывалась два века. У нас она нанесла тяжелый удар, целый ряд эпизодов позволял квалифицировать эти операции как внутреннюю информационно-психологическую войну. Это – совершенно новое состояние государства и общества, столь серьезное изменение надо изучать и учитывать в политических процессах.

Описание вызревания и протекания русской революции, а затем и строительство институтов советского общества и государства (например, в книге «Советская цивилизация»), поставило очень много принципиальных вопросов, которых обществоведение (прежнее и нынешнее) обходило и обходит. Все они важны для понимания истории и развития СССР, но еще более они важны для современной молодежи, которой необходимо знать, как были устроены советские социально-технические системы (промышленность, армия, школа, наука и др.) – молодежи придется их осваивать, возрождать и модернизировать. Эти системы – база, всякие постиндустриализмы без нее не появятся.

Широкое, шаг за шагом описание революции и строительства СССР уже с новыми источниками, с образами систем, с фоном и контекстом и с приемами «науки становления» в период 1995–2005 гг., было доступным, как стало можно делать свои картины-панорамы художникам,

⁴ В 1991 году Кожин говорил, что он сам «не только не член партии, но ещё и антикоммунист с большим стажем, но в нынешних условиях, – куда не денешься, – получается, что КПСС – одна из опор страны».

открывшим перспективу. Сейчас, снова прочитывая в уме книги А. В. Чаянова и Ф. Броделя, А. Грамши, В. В. Кожина и А. С. Панарина, а также огромный массив эмпирического материала социологов, в этих широких описаниях проглядываешь сам собой сложившийся «скелет» (или карту движения) советского проекта и его жизни.

Из этой карты видно и куда ведут дорожки с нашего пепелища. На карте видны сгустки сложных проблем и узлы возникающие в них конфликты. Раньше их старались не видеть или приукрасить, да и для рефлексии не было времени и подхода. Теперь эти тексты – полезный материал для учебных пособий. Знание полезно и правым, и левым, и самой власти.

Я и мои товарищи так и оценивали тексты 1995–2005 гг. – как заделы, содержащие перечень актуальных проблем, которые оставались в тени. Так, многие главы «Советской цивилизации» были разработаны в серию небольших книг в жанре учебных пособий (без грифа, но полезных).

Но из этого перечня несколько проблем нам показались жгучими. Уже в середине 1990-х годов мы стали обсуждать странную природу постсоветского кризиса, небывалого в промышленных странах в Новое время, тем более без явной войны. Организация ООН (ЮНИДО), регулярно изучающая состояние промышленности стран и регионов, обнаружила три региона, в которых произошли не кризисы, а *«разрушение промышленности»*. В докладе было три одинаковых по форме графика динамики промышленного производства. Эти графики принадлежали Ираку, бывшей Югославии и бывшему СССР. Расширенный в прошлое график СССР (до 1990 г.) и далее СНГ дан на рис. 1.

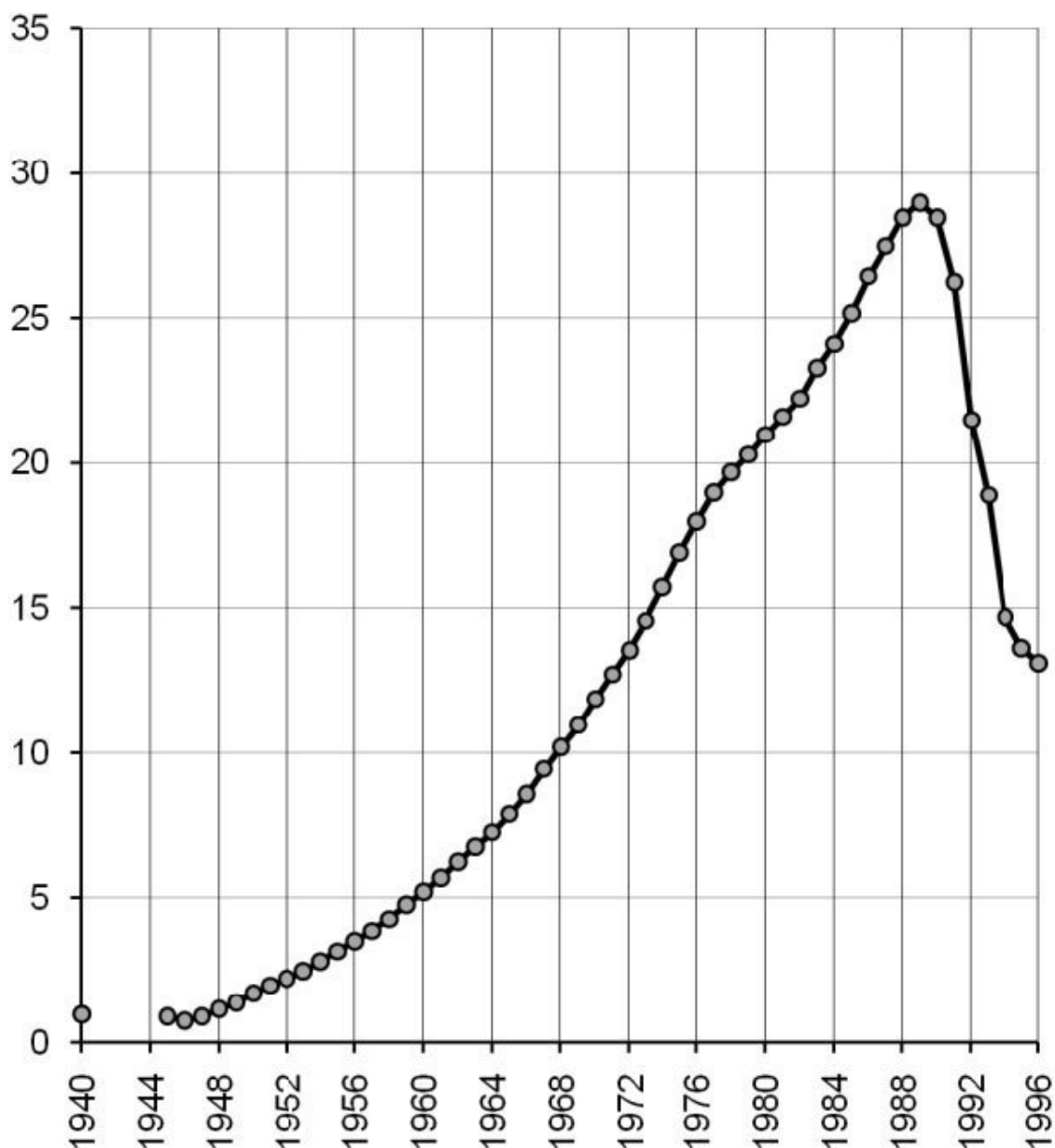

Рис 1. Индексы объема производства промышленности СССР и СНГ (1940 = 1)

Что поразило экспертов ЮНИДО: в Ираке и Югославии промышленность была разрушена бомбардировками, а в СССР – реформой под лозунгом «демократия и ускорение развития».

Это – необычное явление. Даже если бы власти приняли ошибочные волюнтаристские решения, в государстве и обществе культурной страны должны были быть разумные силы, которые нашли бы веские аргументы убедить представительные и исполнительные власти остановить разрушительный процесс. Как можно было почти 10 лет наблюдать уничтожение народного хозяйства и спорить об эфемерных вещах! Что с нами произошло?

Уже надо было не описывать идеи и события периодов революции и здорового существования СССР. Какое воздействие парализовало разум и волю общества, интеллигенции, научного сообщества, политического актива и государственных деятелей? Как мог этот коллективный психоз, почти мистический морок, охватить образованный советский народ из 290 млн человек?

Перед нами стала задача, о которой десять лет назад никто из нас и не подумал бы. Стали собирать источники, и отечественные, и иностранные, а также проявления симптомы этого неведомого состояния. Вывод был таким: две большие общности, в которые по-разному собрано население страны, – народ (нация) и общество – дееспособны, пока являются *системами*. Распад важных связей и элементов этих систем (их дезинтеграция) парализует ряд способностей («компетенций») народа и общества. Надо описать эти процессы! Предупрежден значит вооружен (*praemonitus praemunitus*, лат.).

Так были сделаны две взаимодействующие книги: «Демонтаж народа» и «Потерянный разум». Была серия и производных от них книг (например, «Революция на экспорт», «Угрозы России»). Поскольку, как нам казалось, в таких книгах была срочная потребность, эти тексты были, как и предыдущие, не высшего качества. Наверняка кто-то напишет лучше. Что же касается дезинтеграции российского общества, эту проблему очень хорошо представили социологи. Из статей «СОЦИСа» по этой теме можно уже сделать ценную монографию.

Завершилась эта серия текстов обращением к методологии общественной науке. Уже 30 лет как стало почти очевидно, что сложившееся в послевоенный период обществоведение все больше и больше отставало от темпа изменений в обществе и государстве. В результате не были изучены, а часто и не распознаны, массивные общественные процессы, чреватые рисками множественных мировоззренческих, культурных и социальных кризисов, которые и слились в системный кризис, приведший к краху СССР и глобальной катастрофе. Книга на эту тему в издательстве.

Можно сказать, что этап изучения и размышлений между 2005 и 2015 гг. подвел нас, похоже, к наиболее туманной и деликатной теме: взаимодействие разума и психики в политической сфере. У всех нас накопился большой и драматический опыт проявления закона борьбы и единства этих противоположностей. Достоевскому это и не снилось.

Эта проблема с каждым годом становится все более жгучей. Но подступиться к этой теме трудно, но надо. На мой взгляд, к рассмотрению предлагаемого предмета уместно привлечь концепцию *инновации* в общественных процессах, которую начал разрабатывать М. Вебер. Он был великим рыцарем и тружеником *рационализма*, но пришел к выводу, что реальная практика людей формируется под воздействием импульсов и разума, и психики.

Его идея, по-видимому, в бурный период после 1918 г. осталась незавершенной, хотя его заметки и черновики обладают большим потенциалом, а в данный момент его идея становится очень актуальной. Ее освоение и доработка были бы очень ценными для российского обществоведения – и для власти, и для становления оппозиции, нашего частного предмета.

Но вначале придется кратко привести представления о разных типах обществ и государств. Различия этих типов, в принципе, известны, однако советское и постсоветское обществоведение эти различия игнорируют или касаются поверхностно (часто и неверно), а здесь сравнение этих типов необходимо. Сделаем выжимку из сравнения – кратко и в свете нашей темы, а без этого фона и выводы были бы непонятны.

2

В последние два века в обществоведении выделялись две идеальные («чистые») модели обществ и государств: одни *традиционные*, другие *современные*. Раньше на Западе говорили: «варварские» и «цивилизованные» общества и государства. Теперь мода на толерантность, и термины стали мягче. Современным назвали *государство модерна* – конструкцию, которая сложилась в ходе череды революций, породившей Запад как особую цивилизацию.

«Незападные» общества и государства стали называть *традиционными*. Деление это условно, т. к. некоторые незападные государства уже в XIX в. смогли перенести и освоить западные культурные достижения, важные технологии и институты – модернизировались. Но эти инновации «прививались» на ствол своей незападной культуры, и по ряду фундаментальных признаков эти государства относили к классу традиционных. Примеры: Япония, Россия (затем СССР), Индия. С другой стороны, и в западных странах уцелели или расширяются ниши традиционных культур, а в некоторые периоды происходит и архаизация (например, рабовладение в XIX веке или такие институты, как суд Линча в США).

Модернизация – процесс необходимый, но болезненный, он наносит обществу культурную травму, более или менее сильную. Большую травму в России нанесли реформы Петра Великого, форсированная индустриализация и коллективизация в СССР, но в обоих случаях культурная основа в главном была сохранена, а перенесенные институты были адаптированы и укоренились. Сейчас для нас надо изучать и обсуждать ход форсированной модернизации последних 30 лет. Во многих отношениях эта модернизация переходит в *вестернизацию* (насаждение западных институтов без приспособления их к национальной культуре).

Разрушение в конце XX века советского государства и переход к вестернизированному жизнеустройству с «гражданским обществом» – процесс исключительно травмирующий, и это было заведомо известно и даже очевидно. Однако в подготовке к такой трансформации не было разработки внятного проекта, ни явного целеполагания, ни ограничений. Не было ни исследований рисков, ни доступной литературы, решения были плодами импровизаций наших отечественных интеллектуалов и политиков, а также советов западных консультантов – все это не связанное в совместимую с жизнью систему. Надеялись, что все утрясется само собой? Не вышло и, видно, не выйдет. Но жизнь продолжается, и надо искать средства ее улучшать. В таких случаях необходима рефлексия, правители заставляют вельмож заняться «разбором ошибок». Но этого не происходит.

Значит, этой рефлексией и поисками должны заняться общности, которые понесли тяжелый ущерб, а также те, которые им солидарны. Они должны изучить, каковы результаты программы этой модернизации? Какие необходимые блоки отсутствуют? Что можно сделать?

Небольшой, но необходимый элемент этого процесса – создание *оппозиции*. В действительности, ее скептический и критический голос необходим всему народу (нации). Придворные шуты и фокусники уже не тянут, пользы от них мало.

Смысл понятия *оппозиция* определяется типом общества (точнее, силой воздействия культуры того или иного типа). Традиционные общества структурированы с явной и устойчивой иерархией, каждая социокультурная группа обладает своими атрибутами, системами символов, знаками различия, четкими правами и обязанностями. Таковы были сословные общества. Конфликты в среде привилегированных сословий возникали между кланами или претендентами на престол, а между сословиями – из-за нарушения чужих прав или невыполнения своих обязанностей. *Единство* («народность») является идеалом и заботой государства традиционного общества. Источник его легитимности лежал в авторитете государя как отца, и в ритуалах это государство подчеркивало существование такого единства.

Гражданское общество отрицает единство как утрату свободы, оно ищет *плюрализма*. Государство должно создавать условия для *конкуренции* общностей, а периодически из-за противоречий групп испытывает революции. В фундаментальной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата – собственности и капиталу... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как политическое право – собственностью... Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

Постепенно эти войны были ограничены законами, но и «цивилизованная» *война всех против всех* требует непрерывной деятельности оппозиции.

Соответственно, структуры власти в этих моделях государства сильно различаются. При правителях традиционных обществ были советы (думы, коллегии и пр.), а для принятия важных решений созывались соборы. Обсуждения длились, в идеале пока не найден консенсус, решения принимались единогласно. Прекрасно описал принятие решений сельским сходом крестьянской общины А. Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» (1872–1887 гг.).⁵ Здесь не парламент, а собор, здесь нет оппозиции, а все ищут приемлемое для всех решение. В СССР Советы (например, Верховные Советы) также относились к собраниям соборного типа – решения принимались единогласно.

В Российской империи, с традиционным обществом (85 % населения – крестьяне), вторжение капитализма с его инновациями вызвало острый кризис. Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие, и царь согласился на выборы первого сословного парламента (Государственной думы). Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие партии. Тем не менее, 30 % депутатов были крестьянами и рабочими (а, например, в английской Палате общин в то время было 4 депутата их рабочих и крестьян). Первая Дума несла в себе не только парламентское, но и *советское*, соборное начало, поэтому правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы. Но правительство не вело с Думой диалог – группы депутатов-диссидентов еще не были оппозицией как организации.

Экспансия капитализма и столкновение сословного общества с жесткой модернизацией породили противоречия, которые разрешились в России революцией. Но альтернативные революционные политические силы не успели выработать культуру оппозиции – их организации были в подполье, на каторге или в ссылке и эмиграции, а самая большая партия (эсеры) развязала интенсивный политический террор. Победила революция под лозунгом «Вся власть Советам!», а в последовавшей Гражданской войне – Советское государство.

Советы за образец брали (по традиции) земские Соборы Российского государства XVI–XVII веков. Депутатами Советов становились не профессиональные политики, а люди из «гущи жизни» (в парламентах, напротив, депутаты, как правило, – юристы). В идеале в Верховных Советах должны быть представители всех социальных групп, областей, национальностей. Такого типа Советы были порождены в СССР культурой и опытом народов России. Судить их принципы по канонам западного парламента – это наивный евроцентризм. Советы выра-

⁵ Он пишет: «Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведен математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся. То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются – вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово – одно только слово, восклицание, – и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное».

ботали систему приемов, которые в условиях советского общества были устойчивой формой государственности. Как только советское общество стало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что практически проявилось уже в 1988 г.

Структура Советов была сопряжена со структурой компартии, и в этой сетевой системе действовали две разные структуры – функциональные и информационные, наверху эти сети соединялись в центральную власть.

В процессе легитимации общественного строя необходимой была роль единой партии, прежде всего как хранителя и толкователя благодати. Поэтому сама партия, ВКП (б) и потом КПСС, имела совсем иной тип, нежели партии западного гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке». В период с 1905 г. и до конца Гражданской войны в России существовала многопартийность. Между партиями были конфликты в полемике относительно проектов развития России, хотя были и кратковременные коалиции. Конфликты усиливались вплоть до Гражданской войны. Но после войны в государственном строительстве культура традиционного общества «подавила» многопартийность.

Надо вдуматься в фундаментальный фактор, на который не обратило (и не обращает) внимания наше образование, а за ним и общество: *советское общество до 1950-х годов было скреплено механической солидарностью*. Это значит, что подавляющее большинство граждан по своему образу жизни, культуре и мировоззрению были очень близки. Особенно после Гражданской войны и до конца 1950-х гг. население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Война – и бедствие, и победа – еще сильнее сплотила советских людей. Основная масса интеллигенции и служащих госаппарата, даже уже с высшим образованием, вышла из рабочих и крестьян. Она в главном мыслила в согласии с большинством, хотя изъяснялась на языке с большой долей модерна.

Механическая солидарность советского общества стала и международным явлением, что вызвало большой интерес и на Западе, и на периферии капитализма. А. С. Панарин писал: «По-марксистски выстроенная классовая идентичность делала советского человека личностью всемирно-исторической, умеющей всюду находить деятельных единомышленников – “братьев по классу”».⁶

Будучи единственной партией и ядром политической системы, компартия стала «постоянно действующим» *собором*, представлявшим все социальные группы и сословия, народы и регионы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение конфликтов. В такой партии не допускалась фракционность и оппозиция, естественная для парламентов.

Таким образом, внепартийной легальной оппозиции не сложилось. Но внутри партии и государственной номенклатуры были разные доктрины, и после смерти Ленина они превратились в альтернативные платформы. Сторонники одной из них считались «оппозицией» внутри партии. В современном понимании для них термин *оппозиция* не годится, т. к. деятели этих групп сами занимали высокие посты в партии и правительстве.

Раскол партии стал большой угрозой, и осенью 1927 г. в первичных организациях партии была проведена дискуссия, и все должны были сделать выбор из двух платформ. В дискуссии приняли участие 730 862 человека (из 1200000 членов и кандидатов партии), за платформу оппозиции проголосовали всего 4120 членов партии (плюс 2676 воздержавшихся). Оппозиция была подавлена, из партии были исключены около 8 тыс. активистов, из них 75 видных руководителей. Часть оппозиции ушла в подполье и в эмиграцию, позже многие были репрессированы. Этот опыт важен для истории, но здесь мы его упомянули лишь потому, что к современной проблеме конструирования оппозиции в нынешней реальности опыт внутрипартийной

⁶ Здесь и далее цитаты А. С. Панарина взяты из его книги «Народ без элиты», М.: Алгоритм, 2006.

борьбы в ВКП (б) и КПСС не касается. Критерии подобия того и нынешнего расколов не выполняются.

Не было подобия с процессами в либеральной системе власти в сравнении с противоречиями и конфликтами в отношениях к Советам в политической системе СССР и внутри Советов. Они в ходе модернизации государственной системы были с трудом превращены в представительный орган, но при этом сохранили соборный принцип формирования. Например, в Советах имелась невыполнимая норма – «наказы избирателей». Их депутат не имел права ставить под сомнение (хотя ясно, что наказания могли быть взаимно несовместимы).

Риторика Совета с точки зрения парламента покажется странной, если не абсурдной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свой ум. Депутат Совета подчеркивает, что он – лишь выразитель воли народа. Поэтому часто повторяется фраза: «Наши избиратели ждут...» (этот пережиток сохранился в Госдуме даже через двадцать лет после ликвидации СССР). При таком представлении о власти не может действовать институт оппозиции. Норма депутатов считать, что люди идут к Госдуме, чтобы найти правду и справедливость, поэтому дебаты о проблемах граждан исходят из презумпции, что «ведь все мы в Госдуме хотим, как лучше», а если не удастся достичь согласия, то это из-за некомпетентности или теневых интересах (коррупции и пр.).

Отсюда выводим тезис: устойчивая инерция стереотипов и символов традиционной культуры Российской империи и СССР (соборности) блокирует возможность выстроить институты оппозиции, а значит, не позволяет структурировать и интегрировать общество, разделенное объективными социально-экономическими противоречиями. Те партии, которые были организованы после 1989 г. из осколков КПСС, советских чиновников и интеллигенции, – *симулякры*. Организации новых собственников тесно переплетены с властью, хотя и фрондируют с ней, «Единая Россия» – инсценировка постоянного собора, лево-патриотические партии бросают упреки власти и дают ей советы, как сделать лучше. Постсоветская политическая система и остатки советской культуры сумели растворить зародыши оппозиции, которые казались жизнеспособными даже в советское время.

Когнитивная база этих организаций в данный момент неадекватна политической российской реальности в аспекте нашей темы. Нужна рефлексия на методологические положения строительства этих политических организаций и опыт их практики на главных перекрестках их пути. Для этого требуются новые интеллектуальные группы и необходимые условия.

3

Можно сказать, что в современном парламентском государстве оппозиция служит для оказания давления на власть, чтобы заставить ее совершить определенные изменения в устройстве страны или не дать власти совершить изменения, противоречащие интересам или идеалам социальной базы оппозиции. Для политической системы важен баланс изменений и стабильности (устойчивости), поэтому инновации неизбежно вызывают дебаты и конфликты.

В политических системах традиционного общества функцию оценки выгод и ущерба от инноваций выполняет не политическая структура (оппозиция), а институт диалога и компромисса, в идеале – консенсуса. Этот институт скорее похож на НИИ или КБ, чем партия. В «гибридной» политической системе (соединение модерна с традиционализмом) требуются «стыковочные блоки» разных практик. В Верховном Совете СССР дебаты о реформах в конце 1980-х гг. наглядно показали, как сталкивались «модернизированная» часть с традиционной культурой.

На Первом съезде народных депутатов СССР 27 мая 1989 года Ю. Афанасьев (видный идеолог антисоветской оппозиции) заклеил большинство депутатов как «агрессивно-послушное большинство». Были крики и даже рыдания депутатов, но *большинство* депутатов (группа «Союз»), не организованное как оппозиция, не могло использовать свое явное количественное преимущество, поскольку депутаты считали себя обязанными *уговорить* власть, а не идти на конфронтацию с ней. Ведь «ведь все мы, депутаты, хотим, как лучше». Инерция советской политической культуры обезоружила Верховный совет СССР.

Примем как факт, не углубляясь в историю, что в 1990-е гг. на пространстве СССР произошли глубокие изменения всех систем общественного бытия. Далее будем говорить о России (РФ). Были ликвидированы или преобразованы советские общественные, экономические и государственные институты, структура общества, идеология и культура. Была реализована огромная программа *инноваций*, которые в массе сохранились и даже в условиях глубокого кризиса получили достаточную легитимность в критической массе дееспособного населения.

Новый общественный строй, пусть в переходном состоянии (*состоянии становления*), существует и развивается тридцать лет. Однако радикальные инновации в этом проекте породили глубокие и даже антагонистические противоречия между «выжившими» и возникшими социокультурными общностями, причем противоречия с большой составляющей иррациональности. Отчуждение, некоммуникабельность и враждебность между общностями и между ними и государством имеют тенденцию укорениться. Дезинтеграция общества приобрела характер «холодной гражданской войны», а в условиях постоянного стресса и культурного кризиса anomia и недовольства (по разным основаниям) сдвигают общество к хаосу «холодной войны всех против всех». Это состояние удерживается в рамках неустойчивого равновесия благодаря установке на стабильность малообеспеченного большинства, но каждый очередной кризис создает новые угрозы.

Термин «инновация» не несет ценностной нагрузки. Как и знание, инновация – «это сила», т. е. инструмент, дающий возможность изменить реальность в ту или иную сторону. Изменение это кому-то может быть во благо, кому-то на беду. Инновация, т. е. *новшество*, может сделать возможным откат в прошлое, произвести архаизацию и загнать народ в модернизированный каменный век, разрушить достижения цивилизации (это мы видим и на Украине, и на Ближнем Востоке). Поскольку любая инновация ослабляет существующие структуры и создает неопределенность, даже обещающая благо инновация может «выйти из-под контроля» и наделать бед. Можно сказать, что эта проблема была ядром философии Достоевского.

История полна драм преобразования инновации из утопии в катастрофу и очень часто – в колоссальный грабеж и геноцид. Только по земле исторической России прошли волны про-

екта Чингисхана, крестовые походы рыцарей, Наполеон и Гитлер, а теперь ее втягивают в разрушительный мировой проект под названием *глобализация*. Спасением всегда бывали форсированные встречные инновации.

М. Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в обществах модерна и в традиционных обществах, определил *инновации* как зародыши появления новых общественных форм и институтов. Он ввел в социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*. Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояния вещества в момент его рождения – *in statu nascendi*. Он вошел и в современную естественную науку. Например, при расщеплении молекулы перекиси водорода или озона ненадолго возникает атомарный кислород, обладающий аномально высокой реакционной способностью. В начале XX века, во время кризиса классической физики, стали различать два взгляда на природу: *науку бытия* – видение мира как стабильных процессов, и *науку становления*, когда преобладают нестабильность, переходы *порядок-хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового.⁷

В большой работе «Социальная теория и социальная структура» Р. Мертон разработал концепцию важного класса инноваций – тех, которые создаются в сфере отклоняющего или преступного поведения. В этой работе есть глава «Социальная структура и аномия». В ней Мертон представляет инновацию как один из главных результатов аномии. Он пишет о США 30-х гг.: «преступлением является не неудача, а заниженная цель». Вот как он представлял это общество: «На верхних этажах экономики инновация довольно часто вызывает несоответствие “нравственных” деловых стремлений и их “безнравственной” практической реализации. ...Изучение 1700 представителей среднего класса показало, что в число совершивших зарегистрированные преступления вошли и “вполне уважаемые” члены общества. 99 процентов опрошенных подтвердили, что совершили, как минимум, одно из сорока девяти нарушений уголовного законодательства штата Нью-Йорк, каждое из которых было достаточно серьезным для того, чтобы получить срок заключения не менее года».⁸

Особый тип инноваций, присущий меньшинству (*мятеж*), Мертон противопоставляет аномии среднего класса. Он пишет: «Этот тип приспособления выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает их создавать новую, то есть сильно видоизмененную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов... Мятеж стремится изменить существующие культурную и социальную структуры, а не приспособиться к ним».

Более того, Мертон считает, что «для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести ее в новые социальные слои, обладающие новым мифом».

Оба эти вида реакции на аномию (преступную и мятежную) важны для нашей темы. Также важно учесть, что инновация-мятеж может быть антисоциальной и антикультурной, даже изуверской.

Удивительно, что этот взгляд на процессы трансформаций общества (современного и традиционного) до сих пор не привлек внимание российской социологии, хотя идеи этого подхода актуальны для исследования великих и катастрофических инноваций в российских и советских государствах и обществах.

Здесь мы используем рассуждения Вебера.⁹

⁷ Сразу заметим: марксизм, в общем, исходил из принципов «науки бытия» (исторический процесс как этапы состояния равновесия), а Ленин ввел в партийную мысль принципы «науки становления» (исторические изменения как неравновесные кризисные состояния).

⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // СОЦИС. 1992, № 2.

⁹ Высказывания Вебера взяты из его книги Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994; из книги Московичи С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998; из трудов исследователя «русских штудий» Вебера А. С. Донде (Кустарева).

4

Вебер выдвинул сильный тезис: идея и проектирование инновации, порождающей новую структуру *in statu nascendi*, требует взаимодействия (синергизма) *рационального* усилия и *вне-рационального* импульса. Другими словами, он напомнил, что нельзя описать «население» и общество (человеческие общности) только посредством социальными и экономическими индикаторами – социальное и психическое неразрывно связаны.

Маркс сказал: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Но что значит, что «идея овладевает массами»? Это значит, что идея воздействует не только на разум с его логикой и расчетом, но и всю духовную сферу людей – чувства, воображение, память и подсознание. Это и есть взаимодействие рационального мышления с психикой. Если речь идет об идее, которая овладевает массы, значит, эта идея потрясла множество людей, глубоко затронуло их разум, совесть и чаяния.

Даже самые умные люди иногда подчиняются иррациональным чувствам, это часть реальности, которую аналитик должен учитывать как важный фактор общественных процессов. Вот пример: великий философ Запада Гегель вспоминает, как 13 октября 1806 г. ему посчастливилось из толпы увидеть Наполеона. Он пишет: «Я увидел императора, эту душу мира, пересекавшего на лошади городские улицы. Поистине это колоссальной силы ощущение – увидеть такого человека, сидящего на коне, сосредоточенного, который заполняет собой весь мир и господствует над ним».

Наука, возникшая в ходе Научной революции XVII века, изучает явления, которые поддаются рациональному анализу (как, например, в экономической науке или социологии). Но рядом или на краю науки, «в черном ящике», все-таки понемногу наука собирает факты, которые существуют и действуют в сфере иррационального (вера и чувства, необъяснимые психические состояния и т. п.). Они очень важны и в экономике, и в политике, и в любой деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.